

> ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Оберегаемое
вранье

ВСЕ ЖИТЕЛИ новой России хотят, чтобы наше государство было уважаемым и богатым, чтобы жили в нем люди счастливо. Как манны небесной все ждут прихода чудес долго ожидаемых.

Ну, любят россияне все халывное до умопомрачения и мечтают о халыве. Только появиться этому чуду мешает примитивная и очень распространенная в среде чиновников разного ранга ложь. Само население даже пошевелить пальчиком не хочет, чтобы бороться с ложью. Им советское воспитание не позволяет. Хотелось бы напомнить, что все преступления, которые совершает человечество, рождаются ложью. А страна, в которой систематически используется ложь на всех уровнях общества и в которой не ведется борьба с ней, обречена на гибель. Далеко за примером ходить не надо: от лжи развалился Советский Союз. В Союзе главным лозунгом был постулат: все делается для блага человека. При этом мало что делалось. Практически народ был нищим, его окружал сплошной дефицит. Дефицит толкал людей на всякого рода преступления – от экономических до политических. Доходило до того, что честного человека могли высмеять за неумение жить. Недруги желали жить на одну зарплату. Свидетели воровства или мошенничества замалчивали преступления, делая вид, что это не их дело, считали, да и сейчас считают, что с нарушителями закона бороться должна только полиция. Население и сейчас проявляет преступно-лояльное отношение к мелким преступлениям на бытовом уровне, считая сообщение в милицию о факте преступления позорным стукачеством. От человека, сообщившего в правоохранительные органы о совершенном преступлении, общество может отвернуться, считая его опасным для общения.

Даже на государственном уровне не принято говорить о лжи, как об опасном пороке. Если попробуешь это сделать, то рискуешь сразу попасть в разряд больных на голову. Видимо, наше государство настолько поражено этим грязным пороком, что выбраться из него самостоятельно не может. Конечно, здесь уместна ссылка на рыбу, которая гниет с головы, поэтому и начинать нужно с верхов. Наш президент Дмитрий Медведев начал хорошую чистку правоохранительных органов. Хотелось, чтобы и с ложью начал бороться с не меньшим упорством. Тогда появится надежда, что и до наших городских чиновников, и до партии «Единая Россия» очередь дойдет. Но и президенту нужна помощь: в одиночку ему такую страну не переделать, уж слишком наша Россия большая и неуклюжая, с населением ей подстать. У нас есть выбор: или мы победим вранье, или оно победит нас.

ВЛАДИСЛАВ ВОРОНКОВ,
ветеран ММК

«Нужны после войны»

> «В кого и во что сейчас верить?» – спрашивают старики и не находят ответа

МОЛОДЫЕ мыслят годами, а мы – уже эпохами. Из каждой что-то выносим на всю оставшуюся жизнь...

Довоенное время. Родилась я в двадцать четвертом в Верхнеуральске. Отец Георгий Александрович Данилов – кладовщик в Заготзерне. Мама Дарья Сергеевна – няня в детском отделении больницы. В сороковом семье перебралась в Магнитогорск, а я осталась с тетей оканчивать десятилетку. Очень хотелось стать врачом, но война не позволила, и поступила в горный.

Военная пора. Отец работал комендантом в административном здании ремесленного училища № 1. Для проживания учащихся – их было шесть тысяч – определили площадку одиннадцатого участка: пятнадцать бараков на пятьдесят комнат с печным отоплением, три двухэтажных дома для преподавателей, столовая, водяные колонки, склад для угля, пять туалетов. Нам дали комнату в преподавательском доме, а отца назначили комендантом этого района. До отца их сменилось пятеро: кого-то призвали на фронт, кто-то сбежал. Отец понимал, почему сбежали: сам был расстрелян после осмотра участка. Конец октября, а отопления нет. На барак по две уборщицы, а грязь только лопатой можно выскрести. Возле туалетов – горы нечистот.

Попытки договориться о доставке угля и расчистке территории ничего не дали. Обратился напрямую к директору ремесленного училища № 1 Домрачеву. Объяснил ситуацию, попросил помочь обходным путем: выдать мыло как бы на «ремесленников» из расчета кусок на двоих и расплатиться им за наведение порядка в бараках. Домрачев: «Ты мне этого не говорил, я этого не слышал». Понятно, что это было молчаливое разрешение, притом что вся ответственность – на отце. Мыло в ту пору было большой ценностью, а в распоряжении отца оказалось три ящика. Договорившись он с теми же учреждениями, где ему отказали в безвозмездной помощи. Начал с треста очистки, и уже на завтра прибыло пять машин, выкачали содержимое туалетов. Одна забота – с плеч. Дальше выяснил, что трамваи ночью с двух до пяти стоят, и за второй ящик договорился, чтобы в это время вагоны подвезли уголь по трамвайным путям. Да еще организовал переноску угля, чтобы освободить пути к пяти утра. Третий ящик мыла ушел строителям помещения, где установили титан для подогрева воды. А от дирекции училища отец добился строительства

вошебойки для прожарки постельных принадлежностей. Она работала круглосуточно, и за трое суток удалось «обезвредить» один барак. Вот теперь можно было спрашивать за чистоту.

По просьбе отца я начертила график дежурства по комнатам в бараках. Отец не ленился сам проверять дежурство и ставил оценки за чистоту. Позднее в бараках выбрали тройки, которые делали обходы.

В это время отцу одна за другой приходили повестки, но Домрачев всякий раз договаривался об отсрочке: нужен был такой крепкий хозяйственник. Наконец в августе сорок второго отец отправился на фронт. Очень переживал, что не успел заложить сад на площадке. Его письма в адрес училища зачитывали на линейках, отвечали ему и однажды сообщили, что деревья высадили.

Отец и домой писал часто, мне – отдельный листок. Нас в семье было трое, он старшим напоминал, чтобы меня, младшую, не обижали. Тепло отзывался в письмах о маршале Жукове. Был сапером-минером. Участвовал в разминировании района Одера. Писал, что все время в сырости, шутил: дома все простудные болезни были бы наши, а тут все нипочем. 9 мая мы обсуждали, как он вернется домой, а вместо него – похоронка. Мина отца не миновала: погиб за неделю до окончания войны – 2 мая. Похоронен в Германии. Четыре грамоты старшины Данилова хранятся в семье.

Из нашей студенческой группы во время войны всех мальчиков отправили на фронт. И несколько девушек отправились на курсы радисток. Я и еще четыре комсомолки тоже просились в райкоме воевать. Секретарь – не помню фамилию – мягко спросил: «И ты на фронт?» У меня рост полтора метра. Объяснил: после войны нужны будут грамотные специалисты для восстановления страны – учись только, за вас есть кому сражаться.

В годы войны летом и в сентябре мы, студенты, – на сельхозработках. Прошли полный курс деревенских наук: копнили, скирдовали, пололи, веяли, сушили, лопатали, загружали и разгружали. Работали без оплаты, только за кормежку. Плохо одетые и обутые, мерзли и мокли, спали где придется: в шалашах, полевых вагончиках, конюшнях. Особенно пом-

нится голодное лето 1943 года. Началось в июле, мы всем курсом – работали на прополочной. Кормить нас нечем. Доцент Михаил Михин через день привозил из города наши хлебные пайки. У нас, городских, были хоть хлебные карточки, а у сельских – ничего. На полевом стане в подполье в котел с кипятком затирали два стакана муки, солили, засыпали рубленую крапиву, лебеду, щавель. Казалось: так вкусно!

Учились старательно, понимая, в какое время страна дает нам возможность получить образование. За годы войны у студентов не было ни выходных, ни каникул. Шесть дней учеба, а потом воскресник: ремонтировали кинотеатр «Магнит», работали на строительстве пятой, а потом шестой домен, мартоновских печей – в основном на разгрузке стройматериалов. В конце рабочего дня получали талон на допитание: миску супа без хлеба. Есть хотелось всегда. А еще донимал холод: в аудиториях, насквозь промерзших трам-

КОЛМАК > ОЛЬГА ГАВРИЛОВА

вая с забитыми фанерой окнами. Пока доедем до остановки «Ежовка», где был институт, не чуем ни рук, ни ног. А от остановки еще бежать вдоль длиннющего забора самого большого в городе госпиталя. Окна сорок девятой аудитории выходили на морг, и было видно, как грузили на машины умерших раненых. Так мы жили далеко от войны и вместе с тем – рядом с ней. Спасала молодость. Несмотря ни на что, бежали в театр, не пропускали ни одного нового фильма и верили в победу.

Послевоенная пора. В сорок шестом получила диплом инженера-металлурга. Направили меня в отдел кадров ММК, а оттуда – в техотдел кислородно-компрессорного цеха. А я никогда прежде не видела ни вздухоразделительных блоков, ни компрессоров. Начала с азов: осваивала кислородное производство. Благодаря братьям Григорию и Михаилу Алексеевичам

Пустоваловым, Владимиру Григорьевичу Шлыку, Григорию Ивановичу Белоусу: они меня знакомили с работой, приглашали на ремонт. Меня обязали читать курс машинистам, потом аппаратчикам, наполнителям – и так по кругу специальностей два десятка лет.

В сорок девятом вышла замуж, но семейная жизнь не задалась: через семь лет мирно расстались, он уехал на Север. Изредка писали друг другу. Последнее поздравление – к Новому году – получила от него в девяностом. В шестьдесят девятом снова вышла замуж. Муж Анатолий Ларин – выпускник Ленинградского военно-морского училища, демобилизовался после службы на Дальнем Востоке. В Магнитке работал инженером по технике безопасности в Уралдомнаремонт, потом – в автотранспортном предприятии. В восемьдесят шестом он умер.

Я любила работу. Награждена медалью за труд к столетию со дня рождения Ленина, юбилейными медалями победы. Тринадцать лет была членом цехкома. Много путешествовала. Сначала по стране: Москва, Ленинград, Прибалтика, Украина, Белоруссия, Крым, Армения, Грузия. Потом перешла на границу: Румыния, Болгария, Венгрия, Грузия, не существующие теперь Чехословакия и Югославия. Раз в три года – чаще не разрешалось – выезжала то в Италию, то на Кубу, то в Египет. Вернувшись, оформляла альбомы для памяти. Перелистываю теперь с удовольствием вспоминаю то время. А еще часто обращаюсь к «семейной саге» – тетради, где собрала все сведения о родственниках, составила семейное древо.

До девяносто первого меня многое не устраивало: пустые прилавки, очереди, талоны, все по блату, с черного хода. Кто едет в Москву – тому дают список покупок, а там тысячные очереди за любым товаром. В Магнитке еще хуже: даже мелочевку не купишь. Но нынче...

Ушли в прошлое качественное бесплатное образование и здравоохранение, жилищное строительство, гордость за службу в армии. Сейчас талантливые ребята остаются в стороне, а середнячки за деньги покупают образование или того хуже – дипломы. За операцию выкладывай большие деньги или умирай – никого не волнует. Квартиру можно получить только в придачу к кабале – многолетней ипотеке с неизвестным исходом в случае потери работы. В армию родители отправляют сынов с болью в сердце. Даже для анонса фильма выбирают сцены насилия или разбоя. Все это впитывают дети.

В кого и во что теперь верить – не знаю. Разрушить было легко, удастся ли восстановить? ☹

РАИСА ЛАРИНА